

КТО ВЫ, ГОСПОЖА МЫСИНА?

ФОТО ИТАР-ТАСС

У нее фигура профессиональной манекенщицы и лицо, которое не забудешь, увидев однажды. Мысина не просто пластичная актриса, это личность — неистовая, яркая и самобытная.

Всем этим богатством повсю пользуются режиссеры. Вадим Абдрашитов увидел в ней роковую Инну в «Пьесе для пассажира». Александр Рогожкин — «Мисс миллионершу», Елена Цыплакова — Таню в «Семейных тайнах», Виталий Мельников — царицу Марию Федоровну в «Бедном, бедном Павле». И так далее. Мысина только рада. Потому что настало ее время — она выбирает. А не наоборот. А еще — вдруг запела, создав свою рок-группу «Окси-рокс». А еще — сама стала ставить. Корреспондент «ВМ» не выдержала и потребовала объяснений: кто вы, г-жа Мысина?

— Что для вас важнее: игра, режиссура или, прости господи, рок-н-ролл?

— А что для человека главнее — уши, нос или плечи? Все важно, все нужно. Так и музыка всегда была неотъемлемой частью меня с детства. Я люблю и продолжаю любить скрипку. Начала играть на ней, когда мне стукнуло восемь. И в то же время всегда знала, что буду актрисой.

И мне всегда казалось, что для того, чтобы быть актрисой, надо пройти через все. Надо уметь быть хирургом, строителем, врачом, музыкантом, геологом — все надо уметь. Поэтому была счастлива, когда попала в Театр Спесивцева. Ведь там я могла побыть и строителем, и музыкантом, и полотором, и в канатном цеху потрудиться...

— Я слышала, он заставлял студийцев делать самую черную работу...

— Там никто никого не заставлял, там мы все делали, потому что это было интересно, приятно. Не надо было врать, заниматься комсомолом... Там можно было делать реальное дело. Я была на сцене, я была нужна и плакала от счастья. Я поняла, что люблю там все — кирпичи, запахи стен, зрителей, пустоту, ночь, утро.

Моя мама говорила: как ты можешь? Неужели ты не понимаешь, что он на ваших костях делает себе карьеру? А у меня одно в душе: если я не буду в этом театре, мне вообще жизнь не интересна. Я ничего не хочу, кроме этого театра. Тогда я учи-

лась в Гнесинке. С девяти утра ходила стиснув зубы в класс альта, а в полшестого вечера сломая голову тайно неслась на общий сбор вечерней труппы к Спесивцеву. За эти три года я сыграла одну большую роль — в рок-опере «Садко». Спела птицу Феникс. Спесивцев взял меня как длинноногую и музыкальную...

— Тогда вы впервые запели?

— Тогда я не успевала петь — было не до этого. Сейчас я выкроила для себя такое время. Так случилось, что в свой творческий вечер я собрала рок-музыкантов в Доме актера, и мы здорово выступили. А дальше я поняла, что влюблена в это дело, в этих людей, что это часть моей жизни.

— «Окси-рокс» — группа названа в вашу честь?

— Да, меня музыканты называют Окси.

— На американский манер. Интересно, а муж как?

— В основном Ксюшей.

— Очень по-русски. Оксана, вы поете на нескольких языках и очень уверенно...

— Английский я знаю неплохо — училась в английской спецшколе. И потом каждое лето мы с мужем в Америке во время отпуска. По-французски могу читать, могу легко вызвать роль — учила этот язык в Щепкинском. В Авиньоне мы играли французский вариант «К. И. из «Преступления». А в Америке — английский вариант. А вот в Германии я учила роль по-немецки — занималась с педагогом. Но по-немецки я ни слова не понимаю... Играя, сама себя перевожу.

— Какая роль далась самой большой кровью?

— Все они — часть меня. Но самая «кровавая» была недавняя работа над Серафимой Бирман у Юрия Кары в фильме «Любовь как бедствие», который скоро выйдет на экраны. Это сериал про Валентину Серову. Там есть и Бирман, и Раневская. Сначала Кара предложил мне Раневскую. И в тот же день спросил, не хочу ли я сыграть Бирман. Я не знала, куда кидаться, и взяла посмотреть обе роли.

Потрясающая была ночь... Я пересмотрела все фильмы с Раневской и

почувствовала, что она в меня начала входить. И появился другой мир внутри меня. Это было так интересно, так захватывающе, что я предложила Каре сыграть... обе роли! Я была готова поправиться в процессе съемок для Раневской на 15 кг и потом похудеть для Бирман!

Они подумали-подумали и решили, что все-таки этого делать не стоит. Роль Раневской в результате сыграла Татьяна Васильева, а я сыграла Бирман...

— Почему вы соглашаетесь работать в сериалах? Некоторые считают это делом низким...

— В низких не снимаюсь. То, что мы делали с Цыплаковой — «Семейные тайны», — это не низкий жанр. Мне кажется, это один из лучших сериалов. Он снят, как кино. Там нет ни тени халтуры. Моя героиня Татьяна Ермакова мне интересна и симпатична... Я соглашаюсь работать, когда многое должно для меня сойтись. Скажем, по молодости достаточно легкомысленно сыграла в «Сыщиках». Когда решили снимать продолжение, я отказалась — роль не принесла мне никакой творческой радости. А вот «Любовь как бедствие» — другое дело. Это не сериал про стиральный порошок. Или «Дети Арбата» Андрея Эшпая, с которым до этого не работала, а мечтала давно. Сериал скоро выйдет. Там у меня роль трагическая, страшная — политзаключенная. Революционерка, которую убивают на Лубянке. Такого раньше не играла, мне было очень интересно... Вообще трагедия — это радостное, высокое чувство.

— И полезно для здоровья?

— Конечно! Иначе я давно бы оказалась в сумасшедшем доме или меня похоронили бы...

— А что вам еще интересно?

— У меня много «мечт». Но боюсь загадывать — жизнь такая непредсказуемая... Сидеть и мечтать — не для меня. У меня был период, когда я мечтала сыграть Гамлета. Сейчас не знаю... Вот Эльдар Рязанов предложил мне сниматься у него в новой картине — и я счастлива.

— По Андерсену?

— Да, и мне безумно понравилась роль мамы Андерсена — такой колю-

чей дамы, которая заканчивает свои дни в старческом безумии. Потрясающий сценарий. Я очарована этой историей и почту за честь, за счастье работать с ним.

— У Мысиной есть талисман?

— Есть. Деревянный маленький ежик, который мне подарила Эдда Юрьевна Урусова, гениальная актриса, мой очень большой друг. Мы играли вместе в «Письмах Асперна» — спектакле у Львова-Анохина... Она 17 лет была в лагерях, отморозила ноги, играла в коляске. Она брала ежика с собой на все премьеры, а когда умирала — подарила его мне. И он теперь всегда со мной, я его берегу...

— Верите в гороскопы?

— Отчасти. Вот я Бык и мне кажется, что я, как бык, упертая... Но я еще и Рыба — а она уравнивает этого бешеного зверя и старается увидеть во всем скрытый смысл. Интуиция у меня, как у Рыб, развитая. Чувствую, что как будто жила уже много раз. Может быть, потому, что столько уже сыграла, прошла через такие исторические пласты — и Маргарита Наваррская, и мадам де Сталь, и Островский, и Симонов, и Фолкнер и Мердок...

— Вы сейчас работаете в разных театрах?

— Да, уже десять лет по контракту — у Камы Гинкаса в МТЮЗе, в театре Пушкина после прихода туда Романа Козака, ну и в своем театре уже три года.

— Ваш называется «Театральное братство Оксаны Мысиной»?

— Да. Мы существуем на принципах дружески-профессиональных. И самая важная задача для нас сейчас — пробить помещение... Еще два года назад я думала, что мы будем счастливы одним ковриком и нам ничего не нужно. Мы начинали в маленьком подвальчике с одним окном. Но сейчас помещение становится необходимостью. У нас уже два спектакля («Кихот и Санчо на острове Таганрог» и «Аристон»), музыкальная программа, режиссеры хотят у нас работать, много намечается проектов. И арендовать помещение у чужих людей уже морально очень тяжело.

— Неужто отправитесь к чиновникам с протянутой рукой?

— С протянутой рукой — нет. Надеюсь на то, что город все-таки пойдет навстречу. Ведь в Москве очень много пустующих помещений. Вот бы нам для начала получить подвал под домом, где я живу, — на Пятницкой, на первом этаже. У нас там проходной двор. И все жильцы дома поддержали меня. Все хотят домашний театр, а не криминальную подворотню.

— А вас понимает муж-американец?

— Мой муж не типичный американец и не типичный муж, который хочет, чтобы жена стояла на кухне. Конечно, я могу приготовить, но мы не делаем из этого большое событие. Мытье посуды и бытовые дела — это не то, что поглощает нашу жизнь. Мы

стараемся это делать легко и незаметно, чтобы об этом не думать. Если я хватаю пылесос, Джон говорит: да брось ты эти глупости, ты уйдешь на репетицию, я все почищу, для меня это отдых, а ты лежи почитай, береги силы, а потом мы гулять пойдем.

— Где выдают таких мужей?

— В Америке. Но сначала Джон полюбил меня в Москве как актрису — раз сорок ходил на «Дорогую Елену Сергеевну» в «Модерне» (тогда он назывался «Театр-студия на Спартаковской»). И выходил. Мы поженились. А потом поехали на гастроли в США с этим спектаклем. Красовались на первых обложках газет. Казалось, можно на этой волне там остаться. Мы гуляли тогда по берегу залива в Чикаго и обсуждали. Тогда это казалось реальностью, которая в моих руках. А Джон мне сказал: да, конечно, ты можешь тут работать и мы будем хорошо жить, ты будешь зарабатывать деньги, будешь играть иностранок с акцентом, может быть, даже в кино эпизоды... Но в Москве ты же можешь делать все, что захочешь! И мы решили остаться в России. И кто бы знал, как я ему благодарна за это! Сейчас я понимаю, что это были бы потерянные годы, пока я осваивала бы язык. А в эти пять лет я стала как раз играть у Гинкаса, началось мое лучшее время.

— Джон думал о вас, а не о своей карьере?

— Он сказал, что он писатель и может писать, где угодно.

Его слова: «Мой дом там, где ты. Наш дом там, где наша работа». Нетипичный американец. Даже его родственники, которых я обожаю и которые любят нас и все понимают головой, но... никто из них — а там очень большая семья — ни разу не осмелился навестить нас. Им кажется, что в Москве так страшно холодно, снег идет, опасно... Все считают, что Джон декабрист. А он просто занят любимым делом — театром. И работает в Moscow Times, вместе с Камой Гинкасом написал книгу о режиссуре, которая вышла в Америке, — «Провокативный театр». Теперь ему надо помочь сделать русский вариант книги и издать ее здесь, в России.

— 15 лет вместе с одним мужем — не многовато ли?

— В нашей ситуации я не представляю ничего другого, ни о чем больше не мечтаю. Я абсолютный однолюб. Мне кажется, люди любят друг друга, когда не знают и хотят изучать. Когда супруги становятся друг для друга как открытая книга, когда все понятно, наверное, тогда все рушится...

— И вы все еще изучаете Джона?

— А я не знаю этого человека. Он мне настолько интересен... Я смотрю, как он вдохновенно работает, — с утра до ночи, забывая отдохнуть, поест. Я у него учусь... А иногда и он на меня поглядывает...

Беседовала
Наталья БОБРОВА

Мысина Оксана

4.11.2004